

Елена
Иечерская

ЗДЕСЬ БЫЛ ГОРОД...

Вальдемар ВЕБЕР. «101 КИЛОМЕТР, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ».

Издательство Алетея, Санкт-Петербург, 2015. – 230 с.

Издательство "Verlag an der Wertach", Германия, 2016. – 230 с.

Вальдемар Вебер – немец из России, живущий в пространстве двух культур, германской и российской, и одинаково владеющий обоими языками, как некоторые люди владеют в равной степени как правой, так и левой рукой. Однако не следует думать, что перед нами некий человек-билингва, бесстрастно шествующий по просторам стран и эпох. Знаменитые слова Генриха Гейне о трещине века, прошедшей через сердце поэта, могут быть с полным основанием отнесены к нему. Поэтому книга его прозы «101 км, далее везде» – и документ человеческих страданий, и дань памяти, и речь личности, которой подарена драгоценная способность «спеть песню своего отчаяния»...

«СЛЕЗЫ –ЛИНЗЫ...»

О трагедии немцев, живших на территории СССР, долгое время было не принято упоминать в официальной печати. Между тем с началом войны слова «немец» и «фашист» в массовом сознании надолго стали синонимами, недаром же и одно из весьма известных стихотворений Константина Симонова, написанное в эти дни, так и называлось: «Убей немца!» Соответственно миллионы ни в чем не повинных людей, веками и поколениями живших в России и немало потрудившихся на ее благо, подверглись репрессиям, заключению в лагеря и массовой депортации по национальному признаку. Семья Веберов оказалась одной из многих, которым суждено было «попасть под колесо». Как результат, поэт, прозаик и переводчик Вальдемар Вебер родился в Кемеровской области, а вырос за чертой 101 километра, в поселке Карабаново близ приснопамятного города Александрова, где некогда Иван Грозный убил своего сына. Впоследствии бывшая Александровская слобода вошла в историю не только как центр опричнины, но и как «столица 101 километра», достойно пронеся через века эстафету стольного града насилия и произвола власть имущих. Однако прислушаемся к голосу самого Вальдемара Вебера: «Я рос в маленьком среднерусском городке, невзрачном, как пыльный камень у обочины. ...До Москвы отсюда 101 километр. Те, кого в Москву после лагерей и тюрем не пускали, поселялись у нас. Сожительство блатных и политических, типичное для сталинского лагеря, было характерной особенностью нашего городка.

Здесь оседали и надзиратели, вышедшие в отставку или на пенсию.» И вот в такой обстановке, весьма далекой от идиллии, протекает детство и отрочество мальчика, внутренне взыскующего красоты, гармонии, мира и лада. «Заборы были главной декорацией моего детства, – пишет Вальдемар Вебер. – Здесь, за заборами, обитали спекулянты, картежники, пьяницы, инвалиды – все те, кому на улицах появляться не следовало. Здесь устраивали смертельные драки, проигрывали в карты людей, здесь бывшие солдаты нам, подросткам, рассказывали с подробностями о своих победах над немками и полячками». Воистину «выжженные ландшафты сердца», как замечает автор в другой своей книге, «Черепках».

«ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОДЛОСТИ»

Когда-то М. Е. Салтыков-Щедрин в сказке «Либерал», повествуя об особенностях российской действительности, вывел эту гениальную по краткости и емкости формулу. Многие герои прозы Вебера в жестких рамках тоталитарного режима живут и выживают именно в полном согласии с этой формулой («Дырка в носке», «Не успела», «Гамарин»). Они доносят, предают, вынохивают, подписывают – одним словом, всячески сотрудничают с известными органами, лишь бы уцелеть самим. Автор далек от того, чтобы их судить, казалось бы, они люди маленькие, но... «есть и высший суд». И, конечно же, «всех учили, но зачем ты оказался первым учеником, скотина ты этакая?» – как справедливо заметил один из героев Евгения Шварца. А еще в связи с темой «маленького человека» вспоминается бескомпромиссное высказывание одного из немецких прозаиков XX века: «Не будь маленьким, будь большим!» Ибо каждый из этих статистов в своей грязной роли помогает плести паутину общего предательства в грандиозном политическом театре большого террора.

Тлетворным воздухом стукачества и страха дышат герои Вебера, живущие за чертой 101 километра. Но в данном случае город Александров с окрестностями – модель большой страны.

Тебе хочется знать,
как мы жили?
То был коллективный забег
с барьерами
из колючей проволоки...

«ЦВЕТЫ НЕБЫВШИХ СВИДАНИЙ...»

Стихи и проза Вальдемара Вебера едины и неделимы, недаром сам автор предпочитает называть свои нерифмованные строки не верлибрами, а свободным стихом, порой стихотворениями в прозе... Не хочется повторять уже набившую оскомину фразу о том, что магический кристалл поэзии растворился в его прозе, и все же... Наиболее поэтичными в суровом «101 километре» выглядят, конечно же, рассказы, посвященные первым любовным переживаниям автора – и первым разочарованиям («Золушка», «Невидимка»). Лирический герой Вальдемара Вебера, чувствительный, влюбчивый, мечтательный, сталкивается с суровой реальностью – и больно ранится об ее края. По тонкости воссоздания особого романтического, почти мистического флера и неповторимой атмосферы первой

влюбленности эти шедевры автора сопоставимы с лучшими произведениями Бунина и Тургенева. «Цвет первой любви, погибающей от заморозков...», «свет поздних сумерек и несбывшихся грез...»

Несколько особняком стоит в книге великолепный рассказ «Очки Шуберта». В нем, одном-единственном, есть откровенная эротика – и она прекрасна, есть сломанная, искалеченная человеческая и женская судьба – и она ужасна, есть волшебная иллюзия и особая оптика искусства – и она исцеляет и примиряет...

В маленьких провинциальных городках
среди покосившихся домов и кривых заборов
спасительно то, что сразу за ними начинается
пространство, состоящее из сплошного неба,
и чувство прекрасного вновь обретает
равновесие.

«ТАМ, В ГЛУБИНЕ РОССИИ...»

На первый взгляд, может показаться парадоксальным, что Вальдемар Вебер, ныне живущий на исторической родине, в Германии, испытывает ностальгию по родине реальной. Ведь здесь он, по крайней мере в юные годы, точно не чувствовал себя любимым сыном и баловнем – скорее пасынком. Но, во первых, даже за злополучным 101-м километром Россия состояла для него не только из стукачей и бывших надзирателей. Были люди, сияющие светлым ореолом веры, добра, терпения и кротости – соседка тетя Настя, которой посвящен отдельный рассказ, ссыльный священник отец Василий и его семья и, надо полагать, и другие, подобные им. А во-вторых, для всех остаются священными «улицы детства», даже если они расположены в «городах-пустырях». И для Вальдемара Вебера крушение и крах огромной державы, сыном которой он себя все-таки ощущал, стало нелегким испытанием. «Здесь был город, была страна, был дом, был сад...», – размышляет он в горестном недоумении. Ему больно держать в руках «карты мест, которых больше не существует». Ибо мы сами неотделимы от времени и пространства, которые взрастили нас, при том, что времена, конечно, не выбирают. Но мы несем в себе самих и Время, и Место, вот почему любой иной кров, даже вполне комфортабельный и дружелюбный, воспринимается только как «добрая крыша чужбины».

Стихи и проза Вальдемара Вебера оставляют горьковатое послевкусие. Но это потому, что в них нет ни единой фальшивой ноты...

Как горька сладость плодов
дерева пораженного молнией ночью
еще живого в моем саду

Москва

